

Татьяна Бэк

ПОХИЩЕННАЯ НЕВЕСТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Расплата за грехи

Татьяна Бэк

**Похищенная невеста.
Расплата за грехи**

«Автор»

2026

Бэк Т.

Похищенная невеста. Расплата за грехи / Т. Бэк — «Автор»,
2026

— Ясно, ты просто любительница пожестче, поэтому меня провоцируешь! — выдыхает похититель мне на ухо, наклоняясь и прикусывая за шею. Пытаюсь дёргаться, но я зажата между горячим капотом машины и не менее горячим телом незнакомца. Он фактически вжимает меня в металл авто, придавливая своей массой. Одной рукой продолжает удерживать мои кисти за спиной, а второй вдруг резко задирает ткань платья. — Знаешь, красавица, — шепчет на ухо сероглазый. — Ты здесь не потому, что какая-то особенная, а из-за того, что дочь своего отца. Это он ублюдок убил мою мать, сломал мою жизнь, а я сломаю его любимую чистую доченьку, то есть тебя! Сероглазый псих похитил меня прямо со свадьбы, решив сделать своей игрушкой, чтобы сделать больно моему отцу. Только он ещё не знает с кем связался. Я не дамся без боя! Только как не сгореть в огне пламени этого безумца?

© Бэк Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Бэк

Похищенная невеста. Расплата за грехи

Глава 1

Наверное, это мечта каждой девушки — идти под свадебный марш в белоснежном платье к замершему от восхищения жениху под вспышки камер и завистливые взгляды подруг. Вот сейчас моя мечта сбывается, а сердце то замирает, то бьётся, как пойманная птичка.

Остановившись у шикарной свадебной арки, оформленной живыми цветами, я ещё раз осматриваюсь по сторонам и удовлетворённо выдыхаю: всё идеально, словно в сказке, даже лучше, недаром я сама выбирала каждую деталь, замучив свадебного организатора и потратив такую сумму, что многим бы она показалась неприличной. Но это мой день, и ничто не сможет его испортить!

Даже суровый отец утирает скупую мужскую слезу, струнный оркестр начинает играть чуть тише, а жених Никита пожирает голодным взглядом мои изгибы, подчёркнутые итальянским шёлком. Сегодня он получит то, о чём мечтал целый год, но никак не мог получить. Ник знал, что себя я подарю лишь мужу, ибо моя роза цвела не для всяких трахарей, которым только бы свой прибор засунуть.

— Детка, какая ты красивая... — с придыханием шепчет Ник, когда наши руки соприкасаются.

Меня накрывает волной свежего перегара, которая свидетельствует, что мой будущий супруг вчера неплохо отдыхал на мальчишнике, хотя обещал не пить много. Неужели нельзя было хоть один вечер не накидываться со своими пустоголовыми друзьями-мажорами? Но мне не хочется начинать нашу семейную жизнь с «распила» Ника, да и степенная женщина-регистратор уже произносит торжественную речь о двух влюблённых сердцах.

Наконец, приходит время произнести клятвы. Я беру микрофон, чувствуя, как дрожат руки, а к глазам подкатывают непрощенные слёзы. Пусть у меня и водостойкий макияж, но лучше обойтись без красных глаз. Изредка подглядывая в карточку, произношу речь, которую тщательно готовила почти месяц:

— ... обещаю быть твоей до конца! — выдыхаю последние слова и смотрю на Ника.

Момент настолько трогательный и идеальный, что глаза на мокром месте.

Но в это мгновение в воздухе раздаются короткие, резкие аплодисменты, больше похожие на выстрелы. Оркестр, тихо играющий красивую мелодию, сбивается, скрипка берёт фальшиво слишком высокую ноту, которая режет слух... и повисает гробовая тишина. Ощущение такое, что даже птицы замолкли и теперь с веток деревьев с интересом следят за происходящим.

Резко оборачиваюсь на источник звука, желая собственными руками задушить того, кто надумал испортить мне праздник, но вся моя решимость разом испаряется под тяжёлым взглядом серых, насмешливо прищуренных глаз незнакомца, вальяжно идущего по проходу в мою сторону. Так может двигаться лишь хищник, знающий, что никто не бросит ему вызов. И этот хищник уже выбрал себе добычу... меня.

На мгновение мне кажется, что во всём мире осталась лишь я и этот сероглазый. Окружающая действительность плавится, стирается, рассыпается на части. Только этот гипнотический взгляд, который проникает в душу, что-то переворачивает в ней, открывает самые тёмные, потаённые уголки, о существовании которых я и сама не знала.

— Какая трогательная речь... — холодно произносит незнакомец, останавливаясь всего в нескольких шагах от меня. — Только вот боюсь, что тебе, птичка, не удастся сдержать свою клятву!

Голос сероглазого мягко разливается по площадке. Но я почему-то знаю, что не стоит доверять этой обманчивой ленивой мягкости. Так лев играет с добычей, прежде чем выпустить когти и впиться в горло.

— Охрана! — громко зову я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно, но срываюсь на испуганный писк. — Какого хрена происходит? Выведите этого хама прочь! Немедленно!

Странно, но почему-то никто не двигается с места. Обвожу взглядом собравшихся — все опускают глаза или отворачиваются, словно чего-то боятся. Отец, сидящий в первом ряду, хватая ртом воздух и пытается ослабить узел галстука дрожащими пальцами, словно ему не хватает кислорода. Никита переминается с ноги на ногу и глупо улыбается, будто перед нами выступает комик.

Может, это и впрямь дебильный розыгрыш? Пранк, как это принято сейчас называть! Ну если так, тот, кто это придумал, явно лишён чувства юмора.

Но когда сероглазый вдруг в один шаг сокращает расстояние между нами и хватается за руку, понимаю: всё по-настоящему. Происходит какая-то неведомая, абсолютно необъяснимая хрень, и внутри зарождается липкий страх, хотя ещё минуту назад я была уверена, что моя жизнь идеальна.

— Пусти её! — хрипит отец, вскакивая с места и почему-то машет охранникам, чтобы не вмешивались. Кажется, мой родитель боится. — Я же обещал вернуть тебе все деньги, чтобы ты оставил меня и мою семью в покое

На него страшно смотреть: лицо побагровело, на висках вздулись вены, а глаза кажутся безумными. У него же больное сердце — нервничать нельзя ни в коем случае.

— Папа! — пытаюсь броситься к родителю, но хватка незнакомца на моём запястье становится сильнее — уверена, синяки останутся.

— Не трогай дочь, Каракурт... Умоляю! Она ни при чём! Мы же с тобой договорились?!

Пожалуй, впервые слышу, чтобы отец кого-то о чём-то просил, и уж тем более — умолял. Может, у меня галлюцинации? Или я сошла с ума? Иного объяснения у меня просто нет!

Меня вдруг охватывает странное состояние: истерика множится на ядовитую злость, от которой внутри всё пламенеет. Этот день должен был стать самым счастливым в моей жизни, но вместо этого появился какой-то сероглазый татуированный мужлан и всё испортил.

— Отпусти, урод! — шиплю дикой кошкой, стараясь вырваться из стальной хватки. — Я тебе яйца откручу!

Незнакомец вновь переводит на меня взгляд с насмешливым прищуром, а затем вдруг разжимает пальцы.

— Давай, красавица, хочу, чтобы ты поскорее залезла уже ко мне в ширинку! Рад, что тебе тоже не терпится! — урчит он, пошло облизывая губы.

Словно замороженная, слежу за движениями кончика его языка и с ужасом понимаю, что возбуждаюсь... Как это вообще возможно? Какого чёрта?

— Да я к твоей ширинке не притронусь под дулом пистолета! — буквально выплёвывая эти слова в самодовольное лицо. Крайне привлекательное лицо, вынуждена отметить.

Если бы этот мудака не испортил мне свадьбу, то в другой ситуации я сочла бы его весьма интересным. Этот сероглазый демон совсем не похож на моего Ника, за которого собираюсь замуж: слишком мощный, опасный, непредсказуемый и мужественный. В нём горит внутрен-

нее пламя, которое то и дело прорывается во взгляде нагло сощуренных глаз цвета мокрого асфальта. А эту порочную кривую ухмылку мне хочется стереть... И, кажется, мне удаётся...

Не произнеся больше ни слова, незнакомец хищно скалится, достаёт из кармана ствол и прижимает к моему лбу.

Глава 2

Холодный металл впивается в кожу, и от этого прикосновения внутри меня всё леденеет. Ярость гаснет так же быстро, как разгорелась, и на её место приходит животный ужас. Инстинкт самосохранения требует упасть на колени перед человеком с оружием, но я продолжаю стоять и даже стараюсь, чтобы у меня унижительно не дрожали губы.

— Каракурт, забирай мой бизнес, всё забирай. Я перепису все активы сегодня же, но не трогай Полину! — словно сквозь толщу воды доносится до меня голос отца.

— А те годы жизни, что я провёл в тюрьме, ты тоже мне вернёшь, Паровоз? — незнакомец даже не оборачивается к моему отцу, бурлит меня взглядом.

Его рука с оружием медленно перемещается ниже, и я чувствую холод металла сперва на щеке, затем на шее, а потом ствол упирается сквозь ткань в мою грудь. Вздрагиваю, когда оружие задевает сосок. Безумный урод считывает мою реакцию, и порочная ухмылка вновь возвращается на место. Он медленно водит пистолетом, терзая затвердевшую от холода металла вишенку, явно наслаждаясь происходящим.

— Знаешь, а ведь сперва думал убить твою дочь, Паровоз... — задумчиво продолжает сероглазый, не прекращая свою пытку. — Ты забрал у меня мать, которая погибла по твоей вине, отобрал мою свободу, деньги. Растоптал всё, что я любил. Но теперь знаю, как сделать тебе по-настоящему больно. Твоя милая чистая девочка станет моей игрушкой. Я замажу её той грязью и кровью, которая и есть моя жизнь. И ей понравится... Ей уже нравится, я вижу!

Краем глаза замечаю, как охранники отца наконец-то приходят в движение за спиной сероглазого, медленно крадутся в его сторону, доставая оружие. Почему бездействовали раньше? Скажу отцу, чтобы поувольнял всех к чёртовой матери, когда это всё закончится.

— Прикажи своим псам не двигаться! — коротко рычит псих со стволом. — Иначе я выстрелю. Не хочу портить такое красивое белоснежное платье кровью. Хотя-я-я... — в серых глазах вспыхивает что-то дьявольское. — Ты ведь девственница, красавица, чистая и нетронутая? Я такое чувствую. Так вот, сегодня ночью я трахну тебя прямо на этом платье, а потом пришлю его твоему жениху.

Ник чуть ли не подскакивает на месте, а затем пятится, явно испуганный тем, что про него вообще вспомнили. Да уж герой, нечего сказать.

— Ладно, это уже становится скучным! — незнакомец вдруг забрасывает меня к себе на плечо с такой лёгкостью, словно я ничего не вешу. Мир плывёт перед глазами от резкой смены

положения тела, а может, я просто теряю сознание от пережитого. — Никому не рекомендую за мной соваться, клянусь, что грохну любого, а потом убью красотку, хоть мне и будет немного жаль. Мне терять нечего!

Краем глаза сквозь туман дурноты вижу испуганные лица гостей, бледного Ника, выглядывающего из-за цветочной арки, словно из укрытия, и отца, держащегося за сердце. После этого моё измученное сознание выбирает отключиться, чему я, в принципе, только рада.

Сильный шлепок обжигает ягодицу, а затем я проваливаюсь в спасительное небытие, в котором пульсирует только одна мысль: «Ненавижу этого сумасшедшего мудака!»

Глава 3

Меня мотает из стороны в сторону, а затем ударяюсь виском обо что-то.

Какого хрена? Где я? Что происходит?... И десяток подобных вопросов разом проносятся в голове.

Открываю глаза и силюсь сообразить, как оказалась на заднем сиденье здорового внедорожника. События, предшествовавшие обмороку, разом проносятся в памяти. Стискиваю зубы, чтобы не закричать. Этот сероглазый псих похитил меня прямо со свадьбы, и никто даже не решился встать у него на пути. Хотя да, связываться с этим отморозком явно опасно — вообще непонятно, что у него в голове.

— Ненавижу... — рычу сквозь стиснутые зубы, а затем вцепляюсь в шею похитителя, ведущего машину.

Кажется, его не очень-то смущает моя попытка придушить его, по крайней мере, псих не сбрасывает скорость, а наоборот — вжимает газ на полную. Машина летит по пустой дороге, словно хочет оторваться от земли, наплевав на гравитацию.

— У тебя сильные руки, красавица... — хрипит сероглазый, и я испытываю мстительное удовольствие. — Возможно, ты даже сможешь меня отключить, если продолжишь. Но учти: тогда мы растрепемся так, что патологоанатомы заебутся собирать. Мне-то всё равно, я смерти не боюсь, а ты?

Он прав... Сто раз, тысячу раз прав, и от этого хочется ещё сильнее придушить. Но я не готова умирать из-за этого козла.

Расцарапываю ногтями ему кожу, довольствуясь хотя бы такой мелочью, и откидываюсь на спинку сиденья, скрестив руки на груди. В зеркало заднего вида ловлю насмешливый взгляд сероглазого, но игнорирую, уставившись в окно.

Итак, выпрыгнуть на такой скорости — точно по частям не соберут. Придушить похитителя — тоже не вариант по этой же причине. Остаётся лишь терпеливо ждать первой же возможности сбежать и воспользоваться ею, как только представится шанс.

— Даже не спросишь, куда тебя везу? — с усмешкой интересуется сероглазый, когда от моего молчания уже воздух начинает электризоваться.

Мимо проносятся незнакомые пейзажи, которые тщательно фиксирую в памяти, чтобы найти обратную дорогу.

— Нет... — отвечаю безразлично, хотя внутри всё кипит. — Какая разница, где ты меня ебать будешь? Может, давай по-быстрому в кустах у дороги, а потом меня отпустишь?

Перевожу взгляд на зеркало и с мстительным удовольствием наблюдаю, как псих хмурится, а его глаза становятся чёрными от расширившихся зрачков. Ох, как бы мне не доиграться. Ведь сейчас я фактически в клетке с тигром и вместо того, чтобы не привлекать его внимания, сознательно дёргаю хищника за усы.

— За кого ты меня принимаешь? За озабоченного маньяка, которому неймётся залезть к тебе в трусы?

— Именно за него! — выдаю прежде, чем подумать.

Машина останавливается так резко, что я ударяюсь лицом о водительское кресло, на какое-то время теряя ориентацию. Псих распахивает свою дверцу и выскакивает из машины, а следом чуть ли не выламывает заднюю створку и вытаскивает меня на улицу.

После полумрака салона и удара перед глазами плывут цветные круги, но даже сквозь них вижу разъярённое лицо сероглазого, и вот теперь мне становится по-настоящему страшно. Холод пистолета, упировавшегося мне в лоб, — ничто по сравнению с ледяной яростью этого сумасшедшего.

Из последних сил пытаюсь сорваться с места, но ноги меня не слушаются. Вместо молниеносного старта успеваю сделать всего пару неуверенных шагов, надеясь обогнуть машину спереди и нырнуть в лес, раскинувшийся всего в нескольких метрах от дороги. Но, скорее всего, меня в этом лесу сейчас просто прикопают, и на этом закончится короткий путь Полины Паровозовой, которая всего лишь хотела идеальную свадьбу.

— Помогите, кто-нибудь... — кричу истошно, но мы в какой-то жопе мира, где вообще никого нет.

Псих молниеносным движением пресекает мою жалкую попытку к бегству, разворачивает к себе спиной и жёстко укладывает меня грудью на горячий капот внедорожника. Пытаюсь брыкаться, но он заламывает руки, а затем разводит мои бёдра, вторгаясь между ними коленом.

— Ты бессмертная, что ли? — интересуется с любопытством. — Или на голову ебанутая?

— Кто бы говорил!

— Ясно, ты просто любительница пожестче, поэтому меня провоцируешь... — выдыхает мне на ухо, наклоняясь и прикусывая за шею.

Пытаюсь дёргаться, но я зажата между горячим капотом машины и не менее горячим телом незнакомца. Он фактически вжимает меня в металл авто, придавливая своей массой. Одной рукой продолжает удерживать мои кисти за спиной, а второй вдруг резко задирает ткань платья.

Сильная, чуть шершавая ладонь сдавливает мою попку так, что я невольно вскрикиваю от боли. Но псих тут же принимается нежно водить по коже тыльной стороной, едва касаясь. От этого чередования грубости и ласки моё тело сходит с ума. Мне одновременно невыносимо жарко, но при этом трясёт от озноба.

— Знаешь, красавица, мне не так-то интересно тебя выебать, как ты говорила... — шепчет на ухо сероглазый. — У тебя там между ног всё так же, как и у остальных, так что ничего примечательного в твоей киске нет. Ты здесь не потому, что какая-то охуенно особенная, а из-за того, что Паровоз — твой отец. Этот ублюдок убил мою мать, сломал мою жизнь, а я сломаю его любимую чистую доченьку, то есть тебя!

Мне хочется сказать, что отец не мог никого убить. Да, он точно не ангел, и бизнес свой строил очень жёстко, но я никогда не поверю, что он мог кого-то лишиться жизни! Но стоит мне чуть повернуть голову и открыть рот, как похититель этим пользуется: запускает пятерню в мои волосы, окончательно портя праздничную причёску, доворачивает моё лицо так, что мышцы шеи загораются от боли, а затем впивается жёстким поцелуем в приоткрытые губы.

От неожиданности я не понимаю, что делать, просто замираю, пока псих властно и грубо хозяйничает умелым языком у меня во рту. Меня ещё никогда не целовали так жадно, глубоко и порывисто. Дыхание перехватывает, и вдруг я ловлю себя на том, что отвечаю на действия сероглазого. Он тут же разрывает поцелуй и вновь легко прикусывает меня за шею.

— С тобой будет просто, красавица, ты сама хочешь меня, хочешь стать моей игрушкой! — выдыхает с удовлетворением.

— Нет, я тебя ненавижу, отморозок! — еле шепчу горящими после поцелуя губами.

— Сейчас проверю твои трусики. Если они мокрые, а я уверен, что так и есть, придётся наказать тебя за ложь!

Мне остаётся только молиться, чтобы произошло хоть что-нибудь, ведь этот урод прав: я и впрямь теку, словно последняя шлюха, и ненавижу себя за это. Но в этот момент вдалеке раздаётся звук приближающегося автомобиля, и я едва не плачу от облегчения. Неужели, мои молитвы услышаны?

Глава 4

Не успеваю среагировать, а Кирилл уже припадает к моим губам долгим, сладким поцелуем на глазах у довольного полицейского. Хочется заехать ему коленом между ног, но помню о том, что мы изображаем счастливых новобрачных, объятых пламенной страстью. Поэтому отвечаю на поцелуй, а в какой-то момент понимаю, что мы уже не играем... Кажется, это не просто автомобиль, а ментовский транспорт — потому что слышу кричающий звук сирены, который ни с чем не спутаешь. Моё спасение! Полиция заметила, что меня повалил на капот мужлан, и пытается изнасиловать, сейчас они скрутят этого психа, и весь сюрреалистичный кошмар закончится. — Скажи, красавица, ты любишь свою семью? Поверь, я смогу достать их всех даже из-за решётки. Верить мне? — голос похитителя звучит абсолютно спокойно, буднично, будто не к нам сейчас несутся менты на полной скорости. — Верю... — хриплю сдавленно, так как всё ещё упираюсь лицом в металл капота. — Ну тогда прояви свои актёрские способности! Мы с тобой счастливые новобрачные, которых охватила страсть в пути из ЗАГСа на банкет. — Как тебя зовут, муженёк? Или мне обращаться к тебе Каракурт? Псих, наконец, отпускает меня, разворачивает к себе и принимается нежно разминать мои запястья, которые сжимал ещё секунду назад. — Кирилл, можешь называть меня Кир, жёнушка. В этот момент со свистом и пробуксовкой рядом с нами резко останавливается машина ДПС, и из-за руля выскакивает невысокий раскрасневшийся толстячок. Его пухлая рука тревожно поглаживает кобуру, словно питомца, а взгляд цепко изучает меня и Кирилла. — Капитан Кораблёв! Что у вас тут происходит? Девушка, вы в порядке? — интересуется грозно, хотя голос у него смешной и чуть писклявый. — Всё в порядке, капитан! — псих улыбается так искренне и обаятельно, что у меня чуть челюсть не отвисает. Это надо же, какое самообладание и стальные яйца. Я вот стою ни жива ни мертва. — Мы с супругой решили воздухом подышать. — Я хочу, чтобы девушка ответила! — напрягается коротышка и, кажется, сейчас выхватит пистолет. На секунду мне хочется закричать, чтобы он стрелял в моего похитителя, но что-то подсказывает: этот пупс просто-напросто не сможет справиться с Киром. Ну нет у него шансов против безумного хищника. — Извините, офицер! — пишу взволнованно и приваливаюсь к боку психа, нежно поглаживая его пресс. Чёрт, да сколько у него там кубиков? У нормального человека их должно быть меньшее количество вроде. — Мы с мужем просто едем из ЗАГСа, специально отстали от остальных и решили сделать крюк, чтобы вдвоём побыть. Понимаете, первая брачная ночь ещё нескоро будет... А сейчас начнутся тосты, конкурсы, тамада с гармонью. Вот мы и решили быстренько... Опускаю глаза и хлопаю ресницами с максимально смущённым видом. Надеюсь, что у меня получается. Кирилл обхватывает меня за талию и прижимает к себе так, что тяжело дышать. Он из камня, что ли, высечен? Чувствую каждую твёрдую проработанную мышцу его крепкого тела. — Новобрачные, что ли? — расслабляется коротышка и даже улыбается. Киваю так интенсивно, что шея болеть начинает. — Ой, ну, совет да любовь! Я понимаю, дело молодое! — хитро подмигивает капитан. — Ну тогда это... горько!

Кажется, что мир вокруг сузился до меня, этого сероглазого психа, который сейчас терзает мои губы и бешеного пульса, который заглушает всё вокруг. Я ощущаю биение сердца в запястьях, в висках, на шее, но сильнее всего — внизу живота.

Капитан Кораблёв садится в машину и уезжает, но я слышу это словно сквозь вату. А был ли вообще этот коротышка, которому я фактически спасла жизнь, решив сыграть жену похитителя? В голове пустота, заполненная сладким тянущимся туманом, похожим на облако сладкой ваты, тающей на жаре.

Я и сама таю и ничего не могу с этим сделать, разве что... Пытаюсь собрать остатки силы воли и кусаю Кирилла за губу. Наш поцелуй из сладкого становится солёным, с привку-

сом железа, но это делает его ещё ярче. Псих даже не вздрагивает, вообще никк не реагирует, словно не чувствует боли. Ох, Полина, ты попала!

Наконец, мужчина с явным сожалением разрывает поцелуй, мажет по моему лицу чёрными от расширившихся зрачков глазами и улыбается, а я понимаю, что только что добровольно помогла своему похитителю. И самое страшное — мне это почти нравится.

Глава 5

Полицейская машина скрывается за поворотом, и я ещё несколько секунд стою, глядя вслед, чувствуя, как дрожат колени. Адреналин схлынул, оставив после себя липкую пустоту и противное понимание: я только что добровольно помогла своему похитителю этим поцелуем, от которого до сих пор горят губы.

— Хорошая игра, жёнушка, — усмехается Кирилл, разворачивая меня к себе за подбородок. Его пальцы горячие, чуть шершавые, и от этого прикосновения по позвоночнику пробегают предательская дрожь. — Даже слишком хорошая. Я оценил!

— Пошёл ты, — выдыхаю я, но голос звучит хрипло, без обычной злости, и это бесит меня ещё больше.

Он с нарочитой галантностью открывает переднюю пассажирскую дверь и кивает:

— Садись.

— На заднее хочу.

— Чтобы опять попробовать меня придушить? А я хочу, чтобы ты сидела рядом со мной. Угадай, чьё желание исполнится?

Спорить бесполезно. Да и сил нет — ни физических, ни моральных. Я забираюсь на сиденье, свадебное платье неудобно подворачивается, кружево царапает бёдра. Демонстративно скрещиваю руки на груди, всем видом показывая, как меня бесит происходящее. Кирилл садится за руль, хлопает дверью, и в салоне повисает тяжёлая, напряжённая тишина. Пахнет кожей, его терпким парфюмом и чем-то диким — опасностью, от которой кружится голова.

Кир не заводит мотор. Вместо этого поворачивается ко мне всем корпусом и смотрит так, будто раздевает меня взглядом, будто уже знает каждый изгиб моего тела. И от этого взгляда внутри разливается жар, которого я боюсь больше, чем его пистолета.

— Пристегнись!

— Зачем? — фыркаю я, глядя в лобовое стекло и стараясь не встречаться с ним глазами. Голос звучит насмешливо, даже игриво — защитная реакция, за которой я прячу панику. — Думаешь, если мы врежемся, для меня это будет самая большая проблема? Основная опасность сейчас сидит за рулём и любит угрожать пистолетом.

На губах психа появляется та самая порочная, кривая ухмылка, от которой у меня подгибаются ноги — мысленно, потому что физически я уже сижу.

Мужчина медленно подаётся ко мне, вторгаясь в моё личное пространство так естественно, будто имеет на это право. Он тянет ремень безопасности, и я слышу щелчок замка. Но вместо того чтобы отстраниться, его пальцы задерживаются на моей груди. Сначала ощущаю лёгкое, почти невесомое касание сквозь тонкий шёлк платья. Моё дыхание сбивается, но я прикусываю губу, заставляя себя молчать.

— Ах ты... — начинаю я, но слова застревают в горле.

Кир не спешит убирать руку. Наоборот, его ладонь ложится на мою грудь полновесно, уверенно, жадно сжимает, нащупывая сосок, который уже предательски затвердел. И тогда он начинает медленно и дразняще водить по нему большим пальцем. То нажимает, едва заметно, то отводит палец, дразня холодком, затем снова возвращается, растирая, доводя до безумия.

Я задерживаю дыхание, чтобы не издать ни звука. Тело непроизвольно выгибается дугой против воли. Соски горят так, будто по ним провели раскалённым металлом. Низ живота тянет сладкой, тягучей тяжестью, и я с ужасом понимаю, что трусики давно промокли насквозь. Но хуже всего, что похититель знает это. Чувствует.

— Не нравится? — мурлычет Кирилл почти ласково, и его низкий голос обволакивает. — Тогда почему не вырываешься, а?

— Потому что... потому что... — мой голос дрожит, срывается на шёпот. — Ты меня заблокировал... дурацкий ремень...

Я вру, и мы оба это знаем.

— Врёшь, красавица, — его лицо оказывается в миллиметре от моего уха, и я чувствую жар его дыхания, запах мяты и табака. Губы почти касаются мочки, и от этого мурашки бегут по шее, спускаются ниже, заставляя соски сжаться ещё сильнее. — Ты просто хочешь, чтобы я продолжал. Тебе нравится. Не стесняйся, Полина, я не кусаюсь... если только ты сама не попросишь.

В его голосе смешиваются издевательство, нежность и обещание чего-то такого, отчего внутри всё переворачивается.

— Не... не хочу... — шепчу я, но грудь сама тянется в его ладонь, выгибается, требуя большего.

Пальцы Кирилла сжимаются чуть сильнее, так, что я чувствую нажим, почти боль, и от этого низ живота взрывается фейерверком. Сосок — твёрдый как камешек — горит в центре его ладони, и сероглазый чувствует это.

Он проводит ногтем, не больно, а так, дразняще, едва царапая чувствительную кожу — и меня прорывает. Из горла вырывается короткий, сдавленный, такой неприлично громкий в тишине салона стон. Я зажимаю рот ладонью, но поздно, похититель всё слышал.

— Вот так-то лучше, — Кир нехотя убирает руку, и я выдыхаю, как после долгой задержки под водой. В его насмешливо прищуренных глаза торжество, на губах — довольная, сытая ухмылка собственника. — Честность — это важно в наших отношениях, Полина.

— Каких ещё отношениях? — шиплю я, пытаюсь отдышаться. Щёки горят, тело ломит от неудовлетворённого желания, и я ненавижу мужчину за это. И себя — ещё больше.

— Между похитителем и его игрушкой, — пожимает он плечами, невозмутимо заводит двигатель и выруливает на трассу. — Но у тебя есть шанс повысить статус. Пока что ты справляешься... неожиданно хорошо.

Дорога пустынна. За окном чернеет лес, иногда мелькают одинокие фары встречных машин. Я молчу. Смотрю в боковое стекло, но вижу лишь отражение Кира — сильные руки на руле, татуировки, выползающие из-под рукава, профиль хищника, спокойного и расслабленного, будто он не похитил меня со свадьбы несколько часов назад, а везёт домой после романтического ужина.

Сердце колотится так, словно пробежала марафон. Между ног — влажно и стыдно. Я сжимаю бёдра, пытаюсь унять эту пульсацию, но она не утихает. Каждый толчок двигателя отдаётся внизу живота. Это безумие. Я должна бояться, должна ненавидеть, должна искать способ сбежать, но тело живёт своей жизнью — и оно не хочет бежать от этого сумасшедшего и притягательного мужчины., требует, чтобы он снова дотронулся.

Проклятье!

Постепенно усталость берёт своё. День был слишком долгим: свадьба, похищение, погоня, мент, этот поцелуй и жадные руки на моём теле... Мозг просто отказывается обрабатывать информацию. Веки тяжелеют, и я перестаю бороться.

Тряска машины укачивает. Тёплый воздух из печки гудит ровно, монотонно, как колыбельная. Я отключаюсь на полуслове, когда Кирилл что-то говорит — кажется, матерится на кочке — но не разбираю слов, проваливаясь в тёмное, тёплое небытие.

Сквозь сон чувствую, как машина тормозит. Где-то на границе яви и забытья слышу щелчок. Кир отстегнул мой ремень? Меня обволакивает тепло. Что-то большое, пахнущее кожей, табаком и мужским терпким одеколоном укрывает меня. Псих накинул на меня свой пиджак.

Мне бы дёрнуться. Отбросить эту заботу, напомнить себе, что этот человек разрушил мой идеальный день, угрожал отцу, приставлял пистолет к моей груди, а минуту назад ласкал меня, как последнюю шлюху, и я стонала ему в губы.

Но тело не слушается. Оно растворяется в тепле, в запахе, в покачивании, предаёт меня снова и снова.

И в последней ускользающей мысли, перед тем как сознание окончательно гаснет, мелькает что-то совершенно неправильное: между заботой Кира и его жестокостью нет границы. Или она есть, но я её больше не вижу.

Глава 6

Сквозь сон чувствую, как машина замедляется, а потом и вовсе останавливается. Меня оглушает плотная тишина, нарушаемая лишь далёким лаем собак и стрекотом сверчков. Я открываю глаза и несколько секунд не могу понять, где нахожусь. Незнакомый потолок, кожаный запах салона, пиджак на плечах... Пиджак Кирилла.

Внутри поднимается истерика, паника и стыд, но я подавляю это и сажусь прямо, гордо вскинув подбородок. За окном уже вечер. Небо выцвело до тёмно-синего, на горизонте догорает оранжевая полоска заката. Я смотрю сквозь стекло и не могу сдержать восхищённого вздоха.

Там, за окном шикарная вилла. Нет, не просто вилла — настоящий дворец. Белоснежное здание в три этажа с колоннами, широкими панорамными окнами и резной ковкой на балконах. Вокруг него идеально подстриженные газоны, кипарисы, живые изгороди и громадный бассейн с подсветкой, вода в котором светится бирюзой. Ухоженно, дорого, со вкусом. И главное — по периметру тянется высоченный забор, метра три, не меньше, с колючей проволокой сверху с камерами на каждом столбе. Вот такая люксовая золотая клетка для птички...

— Где мы? — спрашиваю севшим голосом, поворачиваюсь к Кириллу.

Он не отвечает, просто выключает зажигание и выходит из машины, даже не взглянув в мою сторону. Меня это бесит до зубного скрежета и красного марева перед глазами. Этот мужлан ведёт себя так, будто я пустое место... А ведь так и есть. Мне вспоминаются его слова, полные ядовитой горечи, о том, что во мне нет ничего особенного. Я стала жертвой похищения посреди свадьбы лишь из-за того, что я — дочь своего отца.

Вылезаю следом, понимая, что не могу сидеть в машине вечно. Этим мне ничего не добиться. Пожалуй, стоит изменить тактику и начать действовать хитрее. Хватит вести себя как испуганная капризная девочка! В конце концов, женское очарование и хитрость могут приручить любого самца, даже такого опасного и неуправляемого. Ноги затекли, платье сбилось и помялось, от изящной укладки осталось только воспоминание. Выгляжу, наверное, как пугало. А вот мой чёртов похититель — просто модель с обложки: ни одной складки на рубашке, ни усталости в глазах. Стоит, засунув руки в карманы брюк, и оглядывает территорию с ленивым спокойствием хозяина.

И в этот момент от главного дома к нам быстрым, но удивительно плавным шагом направляется женская фигура, словно дефилируя по подиуму недели моды. Длинные ноги в чёрных ажурных колготках. Идеальная осанка. Форма горничной — не какая-то дешёвая униформа, а стильное облегающее платье с белым фартуком, подчёркивающее каждый изгиб её точёной фигуры. У незнакомки точёное лицо, высокие скулы, роскошные тёмные волосы, уложенные в строгий пучок. Она скользит по мне ледяным, надменным взглядом, словно она не прислуга, а хозяйка.

Самоуверенная сучка смотрит на меня так, будто я мусор, который принесло ветром на её идеальную территорию. А потом её глаза сужаются, и я замечаю в них то, что женщины считают сразу: ревность.

— Кирилл Андреевич, — голос у красотки низкий, томный, такой, от которого у мужчин должны подкашиваться ноги и вставать члены. — Вы не предупредили о приезде. Я не успела навести идеальный порядок в доме... Простите.

Горничная подходит к сероглазому почти вплотную и мягко касается пальцами его запястья. Жест короткий, но очень интимный. В этот момент мне нестерпимо хочется сломать её пальцы с идеальным маникюром. Неужели это ревность? Нет, не может быть!

— Нормально, Злата, — Кир даже не смотрит на неё. Его изучающий насмешливый взгляд прикован ко мне, изучающий, насмешливый. — Гостевой дом готов?

— Разумеется, — красавица бросает на меня очередной холодный оценивающий взгляд. — Для гости...

Слово «гостя» она произносит с таким пренебрежением, будто имеет в виду «шлюха, которая покусилась на моего мужчину».

— Отведи её туда, — командует Кирилл сухо. — Предоставь всё необходимое. Вещи я уже заказал, будут с минуты на минуту. Проследи.

Злата кивает, но на её скулах играют желваки.

Кир, наконец, поворачивается ко мне лицом и делает шаг. Мне приходится задрать голову, а он нависает так, что я чувствую себя муравьём. Какой же он огромный, мощный, да ещё и энергетика такая, что хочется сжаться, а лучше — исчезнуть. «Интересно, какой он в постели? Знает ли, что такое нежность, или берёт женщину, как принадлежащую ему вещь?» Но мысль растворяется в волне паники, когда пальцы психа касаются моего подбородка, жёстко поворачивая моё лицо к свету.

— Слушай сюда, жёнушка, — обжигая горячим дыханием и льдом в голосе, произносит хрипло. — Не пытайся бежать. Серьёзно, даже не пробуй. Вместо этой виллы ты окажешься в сыром подвале с крысами и земляным полом. Я не шучу. И не проверяй меня на прочность — ты проиграешь.

Мне бы сказать что-нибудь колкое или провокационное, но я молча смотрю в его серые глаза и ненавижу себя за то, что мой пульсучастился не только от страха.

— Вся территория под охраной, — продолжает он, проведя большим пальцем по моей нижней губе жестом собственника. — Камеры, датчики движения, вооружённая охрана по периметру. Попробуешь выпорхнуть, и тебя поймают через минуту. И тогда наказание будет... личным. Очень личным! Ты поняла?

— Отлично, — выдавливаю я.

— Вот и умница, — Кир криво усмехается, разворачивается и идёт к главному дому, не оглядываясь.

Невольно провожаю его взглядом. Широкие плечи, уверенная походка хищника, и шикарная пятая точка. Злата тоже смотрит ему вслед с голодом и обидой. — Прощу за мной, — цедит она, даже не взглянув в мою сторону, и идёт вглубь участка.

Гостевой дом оказывается элегантной каменной постройкой в двадцати метрах от главного здания. Внутри просторная гостиная с мягкой мебелью, спальня с огромной кроватью, ванная с мраморной отделкой. — Всё необходимое в шкафах и ящиках, — бросает она, не глядя на меня. — Душ — направо. И не советую трогать вещи хозяина, даже случайно.

Она уходит, демонстративно цокая каблуками, а я захлопываю дверь со всей силы, приваливаясь к косяку и выдыхаю. Не так я хотела провести вечер своего самого важного дня. Интересно, что сейчас делает Никита? Пробует ли меня найти и спасти? Хотя что-то подсказывает мне, что он сейчас закидывается бухлом и рассказывает, что непременно бы расквасил морду похитителю, если бы у того не было пистолета.

Рука сама собой подхватывает с тумбочки стеклянную вазу. Как следует замахнувшись, швыряю её в стену, с наслаждением слыша звонкий хруст разлетевшихся осколков. Что там говорила эта надменная сучка Злата? Не трогать вещи хозяина! Да пошли вы все! За вазой следует стакан, а затем ещё один. Меня наконец-то немного отпускает и по телу пробегает озноб.

Горячий душ — это единственное, чего я хочу сейчас. Я смываю с себя пыль дороги, следы слёз, остатки свадебного макияжа. Стою под кипятком, пока кожа не краснеет, и пытаюсь собрать мысли в кучу, только вот ничего не получается: слишком много событий, эмоций, потрясений для одного дня.

Когда выхожу закутанная в пушистый халат, сразу замечаю на кровати несколько больших пакетов из дорогих бутиков. Хочется вышвырнуть их на улицу, но понимаю, что это очередное ребячество, которое не произведёт впечатления на Кира. Внутри пакетов нахожу платье, бельё, обувь, даже косметику.

Всё идеально подходит по размерам. Откуда Кирилл узнал мои параметры, мужики обычно в этом совсем несильны?

Покрутившись перед зеркалом, надеваю красивое шёлковое платье цвета тёмной вишни. Оно садится идеально: подчёркивает талию, декольте, но без вульгарности. Волосы сушу феном, оставляя их мягкими волнами, потом и вовсе наношу лёгкий макияж. Что ты делаешь, Полина? Хочешь соблазнить своего отороженного похитителя, чтобы сбежать, когда он ослабит контроль? Кажется, это единственный вариант.

Вдруг замечаю, что в комнате появилась еда. В холодильнике нахожу аккуратные контейнеры с изысканными закусками: лосось, авокадо, фрукты, сыры, корзиночки с муссом. Всё свежайшее, будто только что из ресторана. И мини-бар — полный, с выбором виски, вина, шампанского.

При мысли о еде, к горлу подступает тошнота, хотя сегодня во рту маковой росинки не было. Вместо этого открываю бутылку виски и вдыхаю дорогой аромат дыма и карамели.

Зажмурившись, делаю глоток прямо из горла. Жидкость обжигает пищевод, растекается теплом по телу. Я смотрю на себя в зеркало — на стоящую передо мной незнакомку в красивом платье с мокрыми глазами.

Ну что же, мне нужно втереться к Киру в доверие, тогда найду способ сбежать. А пока... пока, если уж суждено быть его игрушкой, сделаю это на своих условиях. И чтобы не помнить этого унижения, нужно быть пьяной в стельку. Чтобы утром — забыть. Всё забыть!

Я делаю ещё три больших глотка, и в голове шумит, страх отступает, на смену приходит лихая, почти болезненная отвага.

Где-то в соседнем доме, за огромными окнами, бродит этот сероглазый демон, и я уже иду к нему босиком, по прохладной траве. Платье скользит по бёдрам, виски пульсирует по телу тёплой волной. Ну что, «муженёк», пора отдавать супружеский долг!

Глава 7

Глава 7

Собрав всю решимость, помноженную на виски, стучу в дверь, пока не передумала. Створка распаивается в ту же секунду, словно меня ждали, а я зависаю, как олень в свете фар.

Кирилл стоит в одном полотенце, обмотанном вокруг бёдер. Волосы влажные, а на мощной груди драгоценными камнями блестят капельки воды. Кажется, я выдернула психа из души.

Мне бы что-то сказать, но лишь хлопаю глазами да стараюсь отвести взгляд от этого воплощения бога порока... куда там. Литые грудные мышцы, очерченные кубики пресса, мощные руки в переплетении выступающих вен, дорожка тёмных волос ниже пупка контрастно уходящая под белоснежное полотенце. Чертовски хорош, и за это ненавижу его ещё сильнее!

Ловлю себя на том, что уже беззастенчиво пялюсь на пах похитителя, и под моим взглядом полотенце медленно, но верно начинает угрожающе подниматься.

— Загляделась, красавица? — голос Кира звучит низко, с хрипотцой, и от этого у меня мурашки разбегаются по всему телу. Он отступает вглубь комнаты, пропуская меня внутрь. — Заходи, раз пришла.

Послушно переступаю порог и понимаю, что забыла всё напрочь. А ведь я подготовила провокационную речь истинной роковой соблазнительницы, которую крутила в голове, пока шла по траве, только вот она вылетела из башки. Вместо соблазнительной улыбки открываю рот и выпаливаю первое, что приходит на ум:

— Я... вазу разбила.

Кир замирает, а затем медленно поворачивается ко мне, и на его лице такое искреннее недоумение, что я бы засмеялась, если бы, конечно, не хотела провалиться сквозь землю. Серые глаза внимательно сканируют моё лицо, словно проверяя, не тронулась ли умом.

— Вазу? — переспрашивает так, будто я сказала что-то на суахили.

— Ну да. Большую такую, красивую... И два стакана! — добавляю неожиданно для себя. Да, Полина, ты просто молодец! Решила соблазнить мужика информацией о том, что разнесла половину его дома? Браво, гениально!

— Я прикажу Злате убрать, — говорит похититель ровно и уже тянется к телефону на столике.

И это всё? Но упоминание имени Златы бьёт по мозгам похлеще виски, которое я только что хлестала из горла. Эта надменная сучка с её длинными ногами, томным голосом и взглядом, полным ревнивой ненависти. Горничная, которая, наверное, полирует не только паркет в доме, но и член хозяина?

— Тебе повезло с горничной, — вырывается у меня ядовито раньше, чем успеваю прикусить язык. — С такой-то красавицей, которая любые приказы выполняет. И наверняка не только по хозяйству.

Кир замирает с телефоном в руке, а в его глазах вспыхивает что-то тёмное и опасное. Он пугающе медленно откладывает мобильник на столик, и в каждом его движении чувствуется невысказанная угроза.

— А что, Полина, — его голос становится мягче, но от этого мурашки уже второй волной разбегаются спине. — Ты тоже хочешь выполнять мои приказы?

Меня передёргивает от злости. Психую на себя за какую-то необъяснимую противоестественную ревность. Да и этот тон собственника бесит до зубовного скрежета.

— Я не прислуга, — цежу сквозь зубы, вздёргивая подбородок. — Не Злата твоя, которая, наверное, в лепёшку расшибётся, лишь бы ты её похвалил или трахнул.

Я перегнула... Понимаю это ещё до того, как заканчиваю фразу, но виски делает меня бесстрашной и долбанутой, поэтому мне плевать.

— Ясно, — глаза Кирилла суживаются, и внутри них вспыхивает пламя безумия. — Значит, не прислуга...

Мужчина поворачивается к столу. Успеваю заметить белоснежную скатерть, тарелки с изысканными блюдами, свечи, бокал с красным вином... сервировка на одного, ужин, который прервала своим приходом. А в следующее мгновение Кир резким, размашистым движением смахивает всё на пол.

Грохот стоит неимоверный. Тарелки разлетаются вдребезги, хрустальные осколки скачут по паркету, куски мяса, соус, овощи — всё превращается в месиво у наших ног. Я вздрагиваю и делаю шаг назад, но поздно.

Псих молниеносно хватает меня за талию, разворачивает и закидывает на стол. Кажется, он решил поужинать мной... Спина встречает холодное дерево, а сверху наваливается горячее мужское тело, ещё мокрое после душа. Сквозь пульсацию крови в висках слышу треск ткани — это Кир рвёт на мне платье.

— Ты права, — рычит он мне в лицо, и его дыхание обжигает кожу. — Ты не прислуга, Полина. Ты — моя вещь. Моя кукла. А куклы не спорят, делают то, что им скажут.

Задыхаясь, пытаюсь вырваться, но сероглазый придавливает меня всем весом. Его колено раздвигает мои бёдра, и я чувствую его возбуждение даже сквозь полотенце. Страх и желание перемешались в коктейль, от которого кружится голова.

— Отпусти, ублюдок... — шепчу, но выходит жалко, почти умоляюще.

Кир отстраняется так резко, что я несколько секунд не могу сообразить, что происходит. Неужели решил сжалиться? Но что-то я сомневаюсь в этом. Жалость и Каракурт — вещи несовместимые. Глядя на меня, мужчина садится на кожаный диван, разваливается на нём,

даже не поправляя сбившееся полотенце. На его губах та самая кривая порочная ухмылка, которую хочется стереть.

— А теперь, птичка, принеси мне бокал вина. Он цел, я вижу.

На краю стола действительно остался бокал, чудом уцелел среди этого апокалипсиса из фарфора и еды. Тёмно-красное вино играет на свету, словно драгоценный камень.

— Пошёл ты, — выплёвываю с отвращением. — Сам возьми. А лучше собаку заведи, раз хочешь кем-то командовать.

Кирилл не двигается, только его глаза становятся чёрными, бездонными, и внутри них вспыхивает обещание чего-то, перед чем мой бунт рассыплется в пыль.

— Я сказал — принеси, — повторяет он так, что внутри меня что-то ломается. Ноги сами несут меня к столу, рука тянется к бокалу. Я беру его, боясь расплескать, ведь руки дрожат, как у запойного алкаша и делаю несколько шагов к дивану.

Секунда... и я выплёскиваю вино прямо в наглую, самодовольную рожу Кира. Красная лужица расползается по его лицу, капает на грудь, на плечи, на полотенце. Бокал со звоном катится по паркету. Я стою, тяжело дыша, с чувством абсолютного, ничем не замутнённого торжества.

Псих медленно слизывает каплю с уголка губ, смакуя, как будто это не вино, а моя кровь. А потом даже не успеваю понять, что произошло. Мгновение назад — мы были на расстоянии. И вот я лечу на диван, моя спина впечатывается в мягкую кожу, а Кир нависает надо мной. Его пальцы сжимают мои запястья, задирая их над головой.

— Ты хотела показать характер, красавица? Показала. А теперь — убирай.

— Что... — выдыхаю, теряя способность соображать.

— Слижи, — командует он, и в его серых глазах — тьма, бездна, ад. — Всё вино. С моего тела. Каждую каплю. Ты его пролила — тебе и убирать.

— Не буду, — шепчу, но сама слышу, как голос дрожит.

— Будешь, — похититель наклоняется ниже, почти касаясь губами моего уха. — И не потому, что я приказываю. А потому что ты сама этого хочешь. Только боишься себе признаться.

Мучитель отпускает мои руки и садится ровно. На его груди блестят красные дорожки вина, смешанного с каплями воды. Полотенце сползло ещё ниже, но ему плевать. Кир ждёт, уверенный в том, что сделаю то, что он приказал.

Словно под гипнозом медленно ползу к нему по дивану, опускаю голову и касаюсь губами его груди. Меня накрывает от вкуса вина, кожи, соли и опасности.

Глава 8

Глава 8

Губы пылают от соприкосновения с кожей Кира, вкус этого мужчины пьянит хлеще, чем виски. Зажмуриваюсь крепко, чтобы не пялиться на то, что находится в опасной близости от лица... Мой рот и член психа разделяет не более десятка сантиметров. Самая короткая дистанция в моей жизни.

Конечно, я к своим двадцати трём годам видела фильмы для взрослых, да и с Ником у нас было, когда доставляла ему удовольствие рукой, чтобы не держать жениха на голодном пайке. Но сейчас происходит нечто совсем другое. Словно зачарованная, плююсь на мощный ствол, перевитый венами. Голова кружится, в горле пересохло, а между ног пульсирует так, что вот-вот взорвусь. Ещё немного — и я коснусь блестящей головки с выступившей капелькой смазки. Сама, без принуждения. Мой безумный похититель прав: я хочу его до одури, до боли в сведённых мышцах.

Кир не двигается и кажется, не дышит. Просто смотрит сверху вниз, и я чувствую тяжесть его взгляда. Он словно испытывает меня, и это одновременно бесит и возбуждает.

И в этот чёртов момент, когда я уже сдалась, почти коснулась губами бархатистой кожи, раздаётся стук в дверь, короткая серия настойчивых ударов, а потом дверь распахивается без приглашения.

Дёргаюсь, как ошпаренная, откатываюсь на другой конец дивана, прижимая к груди разорванное платье, которое уже не скрывает ровным счётом ничего. Кирилл даже не поворачивается. Он остаётся сидеть, раскинувшись на кожаном диване, с полустоящим членом и пятнами вина на груди, абсолютно не смущаясь своей наготы. Этот мудака никогда не смущается, ему просто неведомы обычные человеческие чувства, что ещё раз подтверждает мою уверенность в том, что он псих.

На пороге артистично замирает высокий мужчина. Незнакомец худой, но жилистый, чувствуется сила в этом поджаром теле. Его фигура обтянута чёрной водолазкой, брюки сидят идеально, дорогие ботинки блестят в вечернем свете. Светлые волосы, зачёсанные назад, подчёркивают тонкие черты лица, острые скулы и необычные глаза. Они невероятные, янтарные и смотрят так, будто видят весь мир насквозь.

Он щурится, мажет взглядом по разбитым тарелкам, остаткам ужина на полу, моему полуголому телу, и холодно улыбается.

— В комнате пахнет Бордо и сексом, — говорит незнакомец тихо и отрешённо. — Давно ты стал водить на базу тёлок, Каракурт? Или ты забыл, что завтра важный день?

Кирилл не торопится отвечать. Он медленно поднимается с дивана, берёт с кресла джинсы и натягивает их с таким видом, будто он здесь один, и только потом поворачивается к незнакомцу.

— Слепой, — коротко кивает он, и на губах появляется что-то похожее на улыбку. — Не душни и учи учёного.

Они пожимают друг другу руки крепко, с хлопком, как старые друзья или партнёры, которые прошли огонь и воду. Слепой смотрит на меня сквозь стёкла очков, и я чувствую себя экспонатом в музее.

— Так кто твоя гостья?

— Дочь Паровозова...

Невольно замираю, потому что Слепой смеётся, но в этом смехе такое же безумство, как и моего похитителя. Даже большее.

— Дочь, значит, — он делает шаг ко мне, и я не могу двинуться с места. — Дочь человека, который... — мужчина не договаривает. Подходит вплотную, и его холодные, длинные пальцы, с идеальными ногтями ложатся мне на лицо. Он водит ими по скулам, по носу, по губам, как будто лепит меня из глины. — Интересно. Почему девчонка жива?

— Слепой, — голос Кирилла становится ледяным. — Лапы от неё убери.

Блондин медленно убирает пальцы, но не отходит. Его янтарные немигающие глаза смотрят куда-то сквозь меня. — Красивая, — выносит он приговор. — Я понимаю, почему ты её не убил.

И в этот момент меня пробивает. Я смотрю на незнакомца внимательнее, вглядываюсь в его глаза, в этот профиль, в манеру держать голову, чуть набок, как будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Я его знаю!

— Пётр Вавилов, — выдыхаю растерянно.

Блондин замирает на долю секунды, словно превратившись в ледяную статую.

— Кто ты? — спрашивает он тихо и угрожающе. Кажется, я только что подписала себе смертный приговор тем, что узнала его. Но неужели это и правда Пётр Вавилов? Гениальный скульптор, чьи работы продавались за миллионы. Человек, которого считали пропавшим без вести два года назад. Я курировала его выставку в Москве до исчезновения Петра и знала его как закрытого, странноватого, но невероятно талантливого художника. А теперь он стоит передо мной в логове похитителя и смотрит на меня так, словно готов убить.

— Я Полина, — говорю, с трудом ворочая языком. — Полина Паровозова. Два года назад я курировала твою выставку в ЦДХ. Ты тогда сломал руку скульптору из соседнего павильона, потому что он обозвал твои работы «дутыми». А потом вы вместе пили коньяк в подсобке.

Вавилов — Слепой — смотрит на меня, и вдруг его лицо расплывается в настоящей, почти человеческой улыбке.

— Помню, — говорит он. — Ты тогда носила красные туфли и бесилась на организаторов, что освещение недостаточно выгодно представляет скульптуры. Ты ведь искусствовед, Полина Паровозова, если я не ошибаюсь?

Я лишь киваю, чувствуя некое злорадное удовлетворение, от того, что меня узнал сам Вавилов, а мой похититель теперь косится на нас, поигрывая желваками.

— Искусствовед это хорошо... Значит, я не зря тебя не убил, — тихо произносит Кирилл, подходя ко мне и проводя большим пальцем по моей скуле. Его прикосновение обжигает. — Сама судьба тебя послала, Полина. Ты станешь частью нашего плана.

— О чём вы говорите? — шепчу, хотя знаю, никто мне не ответит.

Слепой улыбается, поправляет очки и уходит, бросив через плечо:

— Завтра расскажу. А пока... не порти её, Кир. Девочка нам нужна целой. И желательно — в здоровом уме.

Когда дверь закрывается, остаюсь наедине с сероглазым демоном. Он смотрит на меня: раздевает, оценивает, словно примеряет. И я знаю, что здоровый ум — это то, что он собирается отнять у меня в первую очередь. Кажется, я уже заразилась его безумием.

Глава 9

Я вылетаю из дома Кира, как пробка из тёплого шампанского, которое как следует потрясли, и несусь по холодной траве босиком, прижимая к груди остатки разорванного платья. В голове каша из образов: мужские руки на моём теле, голодный взгляд, Слепой с его янтарными глазами и странными словами о плане.

Слишком много впечатлений, эмоций, которые бьют через край. Вся моя короткая жизнь не была насыщена событиями, как один этот день.

Гостевой домик, который считаю уже своим, встречает меня безопасной тишиной. Сдираю с себя клочья вишнёвого шёлка, бросаю их в мусорную корзину, ведь это платье — свидетель моего позора.

Встаю под душ, смываю с себя вино, пот, жадные мужские прикосновения, запах тела психа, который, кажется, влез в каждую клеточку. Сероглазый — это яд, токсин, который чувствую под кожей, в собственном дыхании, между ног, где пульсирует глухая, тягучая боль неудовлетворённости.

Безумно хочется запустить руку к центру горячей пульсации, пальцы сами собой скользят по лобку, опускаясь ниже... Но это значит признать, что сероглазый победил, а я схожу с ума от желания.

И пусть никто не видит, но выигрываю битву с самой собой: наскоро вытираюсь, натягиваю чистое бельё и просторную футболку, которую нашла в шкафу. На сегодня я израсходовала запас внутренних сил, поэтому забираюсь под одеяло, сворачиваюсь калачиком и закрываю глаза в надежде уснуть.

Но не проходит и двадцати минут, как дверь распахивается, и на пороге появляется Злата. Её блядские глаза блестят, на губах застыла довольная, почти сытая улыбка, как у кошки, которая только что сожрала банку сметаны. И губы у неё припухшие. Сразу заметно — их целовали жёстко, долго, со вкусом. На шее горничной бесстыже красуется свежий розовый след. Не иначе как засос.

Меня накрывает волной такой жгучей, острой ревности, что я даже дышать перестаю на секунду. Вот оно значит как... Пока я смывала с себя прикосновения Кира, эта дрянь... она кайфовала от них.

Грудь сдавливают, в глазах темнеет, и чтобы не расплакаться или не заорать, я вцепляюсь ногтями в одеяло. — Хозяин приказал забрать алкоголь из твоего домика, — Злата не обращается ко мне по имени, даже не смотрит в глаза. Она проходит к холодильнику и мини-бару, деловито собирает бутылки в коробку. Все до одной, даже недопитый виски.

— Он мне не хозяин, — цежу сквозь зубы.

Злата замирает на секунду, потом поворачивается ко мне с гадкой снисходительной улыбкой старшей сестры, которая нашла дневник младшей с тайнами.

— Конечно, не хозяин, — мурлычет она. — Ты просто его вещь. Как эта бутылка. Или кровать. Пользоваться — можно. Воспринимать как человека — не обязательно.

Она выходит, даже не оглянувшись. Дверь за ней закрывается с тихим щелчком, а я остаюсь одна, в очередной раз понимая, что мне уготована лишь роль игрушки.

Хотя нет, я не одна, а со своими мыслями. Они в голове бьются, как мухи о стекло. Злата только что была у сероглазого. Почему меня это так бесит? Ведь я хотела, чтобы псих оставил меня в покое, чтобы никогда вообще не появлялся в моей жизни, а теперь...

Ругнувшись нецензурно — чего редко себе позволяю — отключаю свет, ныряю с головой под одеяло и замуриваюсь так сильно, что перед глазами пляшут искры.

Эмоции переполняют. Злость на Кира за то, что он... ну, естественно, он мужик... Злость на себя за то, что мне не всё равно. Ненависть к Злате, которая даже не скрывает своего торжества. И главное — тянущая, глупая, нелепая боль в груди, которая называется одним словом, но я не произнесу его даже мысленно. Потому что, если назову, значит, признаю, что этот псих стал для меня чем-то большим, чем похититель. А этого не могу себе позволить!

Я считаю до ста, потом до двухсот. Затем просто перестаю думать и, наконец, проваливаюсь в зыбкий, неверный сон. Конечно, мне снится Кир, — нет нигде от этого сероглазого покоя...

Он наклоняется надо мной, проводит пальцами по моему лицу, по плечу, потом спускается к груди. Я хочу сказать «нет», но тело не слушается. Оно прогибается, ищет его руку, прижимается. Псих начинает медленно ласкать меня, зная, куда нажать, где погладить, где задержаться. Я чувствую его дыхание на своей шее, тяжесть его тела, жар ладоней. Хочется застонать, и я не сдерживаюсь...

— Ммм...

Просыпаюсь от собственного томного, тягучего стога, который вырвался сам, без спроса. В комнате пусто, только звёзды холодно и насмешливо мерцают за окном, наблюдая за моими мучениями. Нет ни горячих мужских рук, ни жадного взгляда, ни обжигающего дыхания.

На секунду испытываю облегчение: хорошо, что псих не здесь и не видел меня такой — растерянной, возбуждённой, сломленной. Но следом приходит тоска. Потому что во сне Кир был нежным: не тот монстр в полотенце, не человек с пистолетом у моего виска. Во сне он был просто мужчиной, который хотел меня... И которого хотела я.

Я переворачиваюсь на живот, зарываюсь лицом в подушку и заставляю себя дышать ровно. Забудь, Поля, это был лишь сон.

Но засыпаю только под утро. А когда открываю глаза — мой похититель уже здесь: и не во сне, а наяву. Кир стоит у кровати, скрестив руки на груди, и рассматривает меня в упор. Этот мудака идеален: чёрная футболка обтягивает рельефные мышцы, сам свежий, выбритый, пахнущий чем-то цитрусовым и ещё тем самым, его, до дрожи манящим.

— Долго спать будешь? — спрашивает он, и уголок его губ дёргается вверх.

Подскакиваю, натягивая одеяло до подбородка, хотя под ним длинная футболка и вроде всё прилично. Надеюсь, что во сне я не храпа и не пускала слюну. Но тут же во мне просыпается едкая злость: этот псих наблюдал за мной во сне, когда я была такой уязвимой.

— Ты... сколько здесь стоишь? — интересуюсь, гордо вскинув подбородок и глядя на непрощенного гостя, словно королева на слугу.

— Неважно. Вставай, красавица. — он садится на край кровати, и я чувствую тепло его тела даже через одеяло. — Пора тебе познакомиться с планом.

— Каким планом?

Кир смотрит на меня долго, пристально, так, что хочется зажмуриться или отвернуться, но я не могу, попадаю под гипноз его серых глаз. Хотя бы держу одеяло и продолжаю смотреть на него по возможности надменно — уже достижение. Со злорадным удовольствием замечаю, что моя прохладная реакция его удивляет. Неужели он думал, то я раздвину ноги от его появления? Не на ту напал!

— Тем, который вернёт тебе свободу, — говорит спокойно, но в серых глазах мелькает раздражение. — Если ты в нём поучаствуешь, я тебя отпущу.

После его слов воздух в комнате становится тяжёлым, почти осязаемым. Неужели у меня есть шанс обрести свободу?

— Отпустишь? — переспрашиваю шёпотом. — Просто так?

— Не просто так. Поможешь — и свободна. — он наклоняется чуть ближе, и я чувствую запах его кожи, сводящий с ума. — Даю слово, Полина.

Глава 10

Я захожу в главный дом ровно через пятнадцать минут, как и обещала. За это время успела принять душ, натянуть джинсы и простой белый топ, которые нашла в шкафу, и даже накрасить губы полупрозрачным блеском. Кир и Слепой ждут меня в гостиной на втором этаже. Той самой, где вчера была разбита посуда и пролито вино. Сейчас здесь царит идеальный порядок: ни осколков, ни пятнышка. «Кажется, Злата не только ублажила хозяина, но и поработала по своей специальности горничной!» — лезет в голову ядовитая мысль. На стене красуется огромный плазменный экран, на котором развёрнута какая-то схема. Карта, фотографии, надписи на английском.

— Садись, — Кирилл кивает на кресло напротив них. Покорно опускаюсь в кресло и закидываю ногу на ногу, с независимым видом. Слепой, сидящий в углу с бутылкой минералки, смотрит на меня сквозь очки и чуть заметно кивает — то ли здоровается, то ли одобряет мой внешний вид.

Кир щёлкает пультом, и на экране появляется изображение Картина. Масло, холст, тёмные тона, женский профиль, тонуший в сумерках. Я узнаю её мгновенно.

— Это... — начинаю и осекаюсь.

— «Крик в темноте», Альберто Санчес, — заканчивает за меня Слепой. — Последняя работа мастера перед смертью. Была украдена из частной коллекции в Вене три месяца назад. Страховая оценка — восемнадцать миллионов евро. На чёрном рынке потянут на тридцать-сорок.

Чувствую себя полной дурой — чего не переносу — и перевожу взгляд с картины на Кира, с Кира на Слепого. Понимание приходит не сразу, а потом накрывает волной, как виски вчера вечером.

— Она у вас, — выдыхаю неверяще. Кир усмехается и посылает мне воздушный поцелуй, а Слепой поправляет очки.

— Умная девочка, — констатирует блондин.

— Спасибо, — отвечаю сухо, стараясь не показывать, как мне приятна эта похвала. — Дальше.

На экране вместо картины появляются лица размытые мужские лица. Так обычно маскируют в передачах людей, которые не желают раскрывать свою личность.

— Покупатели, — поясняет Кирилл. — Крупные игроки. Коллекционеры с деньгами, которые не задают вопросов. Каждый готов отдать за картину сумму, о которой ты и представить не можешь. Но... — он делает паузу, — они жадные, осторожные и хитрые. А нам нужно, чтобы аукцион раскалился до предела.

— И тут появляешься ты, — вступает Слепой, и его янтарные глаза вспыхивают. — Подсадной участник, красавица. Твоя задача — развести этих старых козлов на максимальные

суммы. Ты искусствовед, разбираешься в этой сфере, умеешь говорить убедительно, с огнём. Ну а ещё ты красивая женщина. Никто из них не устоит.

Мысли в голове устраивают игру в чехарду, никак не получается собрать их воедино. Может, я просто неправильно поняла?

— Вы хотите, чтобы я пошла на подпольный аукцион и притворилась коллекционером, чтобы... разогнать ставки? Это безумие.

— Это бизнес, — поправляет Кирилл холодно.

— Криминальный бизнес.

— Самый прибыльный, — вставляет Слепой. — Искусство, Полина, всегда было вне закона. Картины воровали, подделывали, продавали тайно сотни лет. Мы просто продолжаем традицию.

— Никто не называет имён, — продолжает Кир. — Будут псевдонимы, маски. Ты — просто голос и охеренная фигура, которую мужики запомнят. Никто не узнает, кто ты на самом деле.

— Кроме вас, — замечаю я.

— Кроме нас, — соглашается он. — Но мы не враги, Полина. Как и сказал: поможешь — уйдёшь свободной. Я не враг своему бизнесу. А с твоим отцом найду другой способ поквитаться.

Серые глаза психа сейчас кажутся холодными и бесстрастными, вместо привычного огня и безумия — в них расчёт и лёгкая насмешка. Этот мудак словно проверяет меня на прочность, изучает, насколько далеко могу зайти. Если единственный способ получить свободу — стать участницей этого плана, то придётся это сделать.

— И что мне нужно делать?

Слепой поднимается, подходит к карте на экране, касается пальцем точки.

— Завтра ровно в полночь будут проводиться торги. До этого — бал-маскарад. Ты должна быть там. Не просто быть — блистать. Твоя задача — познакомиться с каждым из потенциальных покупателей, очаровать, показать, что разбираешься в живописи лучше всех, и бросить намёк, что ты пришла за «Криком» и у тебя глубокие карманы.

— Всё просто, — усмехаюсь я. — Очаровать мужиков, которые покупают ворованные картины, и развести их на бабки.

— Ты справишься, — голос Кира звучит уверенно, и от этой уверенности в груди разливается странное тепло. — Ты же хотела быть в центре внимания, красавица? Мечтала об идеальной свадьбе, где все на тебя смотрят? Вот твой шанс! Морщусь от того, что сероглазый читает меня, словно открытую книгу. Сейчас понимаю, что свадьба была нужна мне не для

того, чтобы оформить отношения с Ником (о котором, кстати, даже не вспоминала), а чтобы ощутить восхищённые взгляды, устремлённые на меня одну.

— Псевдоним, — говорю я, чтобы сменить тему. — Вы сказали, никто не называет имён. Как мне представляться?

Слепой и Кир переглядываются, и я уже начинаю их ненавидеть — будто они общаются без слов.

— Выбирай сама, — пожимает плечами Кирилл. — Что-то запоминающееся и красивое.

В голове проносятся клички, образы, ассоциации. Что-то сильное, опасное, но женское. И вдруг меня осеняет.

— Чёрная вдова, — произношу, глядя на них с вызовом.

— Ты серьёзно? — голос сероглазого звучит с нотками удивления.

— А что? Ты же Каракурт? Так что мне мешает стать Чёрной вдовой, которая убивает самцов после спаривания. Думаю, символично.

Несколько секунд Кир просто смотрит на меня, а потом его губы расплываются в той самой кривой, опасной ухмылке.

— Дерзко, — констатирует он. — Мне нравится. Чёрная вдова так Чёрная вдова.

Слепой кивает, внося что-то в планшет.

— Записано. На маскараде будешь в чёрном. Кир проследит за костюмом.

Мужчины, которые планируют преступление века, выглядят так буднично, будто обсуждают поход в супермаркет.

— К чему такие сложности? — задаю я последний вопрос, который вертится на языке. — Зачем маскарад, бал, клоунада? Не проще ли собрать покупателей в каком-нибудь подвале, показать картину и взять деньги?

Слепой подходит ближе. Его янтарные глаза изучают меня, и я чувствую себя прозрачной.

— Преступление, Полина, — говорит он тихо, почти с благоговением, — это тоже искусство. А аукцион, где сталкиваются алчность, страсть и тщеславие — это самый прекрасный спектакль, который только можно поставить. Мы режиссёры, покупатели — актёры, а ты — наша прима. Так что да, маскарад и пафос.

Боже, они точно психи... И только что я согласилась стать одной из них.

Глава 11

Чёрное длинное платье облегает фигуру, струится прохладным шёлком, как ночная река. Декольте такое глубокое, что я сама краснею, глядя на свою грудь. Словного этого мало, у платья тонкие бретельки, открытая спина до поясницы и разрез до бедра, открывающий ногу при каждом шаге. В день маскарада стою перед зеркалом в полный рост и почти не узнаю себя.

Стою с закрытыми веками и чувствую его приближение. Каракурт обходит меня сзади, ощущаю жар его тела, хотя он не касается меня. И вдруг — холод. Прохладное прикосновение к шее, скользящее к груди, заставляет меня вздрогнуть. Хорошо, что лицо скрывает чёрная маска в кружевах и стразах, сквозь прорези которой горят возбуждением угольно подведённые глаза. В зеркале не Полина Паровозова, искусствовед и примерная дочь. А кто-то другой, опасный. Женщина, которую я сама боюсь. Сердце колотится как бешеное. Внутри порхает рой бабочек, хотя нет, — целая стая ястребов. Сегодня вечером я должна покорить мужчин, обвести вокруг пальца самых хитрых коллекционеров и не сорваться. А главное — не потерять себя в этом безумном танце лжи. Дверь открывается без стука. Я знаю, кто это, ещё до того, как вижу его отражение в зеркале. Мужская энергетика пускает по телу разряды тока. Кир в костюме цвета запёкшейся крови небрежно приваливается к косяку и рассматривает меня с неприкрытым голодным интересом. На нём белоснежная рубашка, чёрные туфли, начищенные до зеркального блеска, а на лице — маска демона с рогами. Но его серые, пронзительные глаза видны отлично, и сейчас я дрожу и плавлюсь под их взглядом. — Закрой глаза, — приказывает псих, не здороваясь, не спрашивая, готова ли я. Подчиняюсь. Потому что в его голосе ледяная сталь, которой нельзя перечить. Я знаю, что бы ни делала, как бы ни сопротивлялась, всё равно выполняю требования своего мучителя.

— Но знаешь что, Чёрная вдова? — шепчет Кир, и в голосе появляется отчаянная хрипотца, от которой всё внутри переворачивается. — Я не отдам тебя никому. Слышишь? Ты — моя личная кукла. Только я могу с тобой играть. Только я имею право трогать, целовать, трахать. И если кто-то посмеет на тебя позариться... убью его на месте. Плевать на план. Плевать на аукцион. Ты — моя! — Открой глаза, — шепчет мужчина на ушко, слегка задевая мочку губами. На моей груди, в ложбинке между ключицами, висит кулон. Массивный чёрный бриллиант, оправленный в платину в форме паука. Чёрная вдова... Дорогая, страшная, завораживающая вещь. — Небольшое дополнение к твоему образу за сто тысяч евро, — говорит Кир спокойно, будто речь о чаевых в ресторане. — Не потеряй, красавица. — С ума сошёл? — выдыхаю я, но не трогаю кулон. Он лежит на коже, греется, будто живой. — Я его... — Ты его наденешь, это не обсуждается! — Кир стоит позади, смотрит на наше отражение с интересом, почти любопытством. — Смотри. Каракурт и Чёрная вдова. Идеально подходят друг другу, правда? В зеркале — мой мучитель в маске демона, я — в чёрной маске, похожая на призрака королевы. Паук сверкает на моей груди. И правда — смотримся как единое целое... Пара хищников. — Что я должна делать на приёме? — спрашиваю, чтобы отвлечься от бешеного пульса, который долбит в висках и внизу живота. — Слушай внимательно, — его тихий, вкрадчивый голос обволакивает меня. — Твоя задача — лишить мужчин способности соображать. Ты должна вызвать в них животные инстинкты, Полина. Один твой взгляд, одно слово — и их разум должен отключиться. Останется только похоть, тщеславие, желание доказать, что они — альфа-самцы, лучшие, достойные этой картины и... твоей улыбки. Сделай так, чтобы они забыли про осторожность, разбуди в них зверя. Пульс разгоняется ещё быстрее, а в горле пересыхает. — А если... если ко мне будут приставать? — спрашиваю шёпотом, понимая, что, скорее всего, так и будет. Руки Кира тяжело ложатся на мои плечи. В зеркале я вижу, как его глаза стали почти чёрными, окончательно превращая этого мужчину в демона. — Если я прикажу, — говорит медленно, чеканя каждое слово, — ты будешь обязана удовлетворить каждого

из них. Таков план! Меня прошибает холодом, потом жаром. Открываю рот, но не могу вымолвить ни слова, чувствуя, как меня накрывает паника. Удовлетворить... каждого? Это он серьёз

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.